

БИТВА В ТЕВТОБУРГСКОМ ЛЁСУ ПОДЛИННАЯ ВЕРСИЯ

НЕ УЧЕБНИК. НЕ ЛЕГЕНДА. НЕ СКАЗКА.
ЭТО ТО, ЧТО НА САМОМ ДЕЛЕ ПРОИЗОШЛО,
КОГДА РИМ ВПЕРВЫЕ ПОТЕРЯЛ СЕБЯ.

РЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЗДЕСЬ НЕ БУДЕТ ГЕРОЕВ В ПЛАЩАХ.
ЗДЕСЬ БУДЕТ ГРЯЗЬ. КРОВЬ. СТРАХ. ПРЕДАТЕЛЬСТВО.
ИСТОРИЯ, КОТОРУЮ СКРЫЛИ.
ПРАВДА, КОТОРУЮ ПОРА ВЕРНУТЬ.

18+

SPQR

Avraam Adamov

Хроники Марко " Как Арминий с Римом подружился "

<https://litres.ru/74016273>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тевтобургский лес. 9 год нашей эры. Три римских легиона вошли в чащу - и не вышли. Тридцать тысяч солдат остались в германской грязи. Император Август бился головой о косяк и кричал: «Вар, верни легионы!» А устроил всё это один человек - Арминий. Вождь германцев, который вырос в Риме, служил в римской армии и знал врага изнутри.

Но эта книга - не про битву. Она про то, как всё начиналось.

Марко - изобретатель из нашего времени. Он сам шагнул в прошлое. Зачем? Узнаете. А пока он в сердце Римской империи, и ему нужно пересечь полмира, чтобы добраться до человека, который изменит ход истории. Враги, союзники, тайны - всё смешается в один грязный, кровавый и очень смешной ком.

«Тевтобург» - первый роман серии «Хроники Марко». Историческое фэнтези для тех, кто любит живых персонажей, чёрный юмор и настоящую римскую грязь. Осторожно: в тексте много мата, крови и правды, от которой немного больно.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Авраам Адамов Хроники Марко " Как Арминий с Римом подружился "

Глава 1

Телега была старой, скрипучей, с одним колесом, которое на каждом ухабе издавало такой звук, будто кто-то пытался резать кошку тупым ножом. Второе колесо поставили в Антиохии перед выходом — новое, дубовое, обтянутое железом. Оно пока молчало. Марко не сомневался: рано или поздно и оно заорёт. Всё, что связано с этим караваном, рано или поздно начинало орать. Под Марко — тюки с шёлком. Ткань дорогая, мягкая, но скользкая. Марко скатывался то влево, то вправо, каждые десять минут цепляясь за верёвки, чтобы не вывалиться к дьяволу. Сверху тюки прикрыли рваной парусиной — от дождя и солнца. Получился навес, под которым можно было лежать, не поджариваясь заживо, но зато задыхаясь от духоты. Слева от телеги, почти касаясь коленом деревянного борта, топал Алкион. Грек выбрался из седла ещё час назад — осёл устал, а Алкиону надоело тря-

стись. Теперь он шёл пешком, держась за телегу, и разговаривал. Разговаривал Алкион всегда. С Марко, с погонщиками, с ослами — без разницы. Сейчас его собеседником был Вафик, который сидел на верблюде впереди телеги. Верблюд был рыжим, старым, с гнойной раной на боку. Вафик называл его Буба — по-арамейски что-то обидное, вроде «толстый». Буба шёл мерно, пережёвывая свою жвачку, и делал вид, что ему нет дела до трепа грека. Алкион, впрочем, этого не замечал. — ...И он говорит: «Алкион, твои руки помнят скальпель». А я говорю: «Мои руки, почтенный, помнят не только скальпель. Они помнят амфору, которую я вчера разбил у ворот твоего дома». Вафик молчал. — Но тот купец из Пальмиры, — продолжал Алкион, — был упёртый, как твой верблюд. «Ты, — говорит, — шарлатан. Ты человека чуть не зарезал». А я ему: «Я не зарезал. У него нога гнилая была, я хотел ампутировать». — Надо было? — спросил Вафик. — Надо! — уверенно сказал Алкион. — Нога гнилая, человеку всё равно не жить. Ампутирую — получит пару месяцев. Родные успеют попрощаться. Красота же? — Умер бы на столе, — сказал Вафик. — Не успел. Я только нож достал, а он уже в обмороке. Вафик ухмыльнулся. Алкион вытер пот со лба. Весна, но солнце уже припекало так, что воздух над дорогой дрожал. Пахло пылью, потом и верблюжьим навозом — тем запахом, который не выветривается никогда. — Вафик, — сказал Алкион. — А почему ты не едешь на втором верблюде? Он хромой, но выглядит бодро. — Тяжело ему, —

ответил Вафик.— А Бубе не тяжело?— Буба старый. Привык.— А если я сяду?— Скинет.— Почему?— Чужой.— А ты проверь.Вафик глянул на Алкиона. Потом на Бубу. Буба глянул на Алкиона. Алкион сделал шаг назад.— Уже проверил, — сказал Вафик.— Ладно, — сказал Алкион. — Пойду пешком. Для здоровья полезно.Вафик кивнул.— А на осле? — спросил вдруг Алкион.— Что — на осле?— Может, мне на верблюда пересесть? А ты на осла?Вафик обернулся. Посмотрел на Алкиона. Потом на осла.— Я на осле? — спросил Вафик. — Перед предками?— А предкам скажешь — лечебный. Для спины.— Ах ты, говноед греческий, — сказал Вафик. И отвернулся.— Сам говноед, — беззлобно ответил Алкион. — У тебя верблюд вонючий, как римская канализация.— Зато мой.Алкион вздохнул, отхлебнул из фляги, крикнул. Посмотрел на небо, потом на дорогу, потом на Марко, который высунул голову из-под парусины.— Продажный, — сказал он. — Ты живой там?— Живой, — ответил Марко. — А ты чего на осле не едешь?— Осёл устал.— Осёл или ты?— Мы оба устали, — Алкион похлопал осла по спине. — Мы команда. Команда «Задница Мира». Потому что куда мы едем, там и есть задница мира.— В Риме задница?— В Риме — золотая задница, — Алкион мечтательно закатил глаза. — Там даже дерьмо пахнет деньгами.— Ты был в Риме?— Нет. Но слышал.Вафик, не оборачиваясь:— Он везде был. По его словам.— А я и был! — обиделся Алкион. — Я был в Александрии, в Афинах, в Коринфе, в Эфесе...— В Пергаме вы-

гнали.— Выгнали. Но был.— В Иерусалиме побили.— Побили.— В Дамаске штаны проиграл.— Вернул!— Не захотели носить. Алкион засмеялся.— Вафик, ты злой как шакал. Дай обниму.— Не подходи. Буба укусит.— Вафик, — сказал грек. — Ты во что веришь? Вафик помолчал. Сплюнул.— В верблюда.— А консулы?— Для дураков.— А для умных?— Верблюд. Накормил — работает. Нет — сдох. Алкион задумался.— А как же душа?— У верблюда есть. Пнул раз — три года помнил. Это душа. Алкион засмеялся. Буба даже ухом не повёл. Ему было плевать на Алкиона. Марко снова лёг на тюки. Парусина хлопала над головой, телега скрипела, колёса стучали по камням. Алкион что-то бормотал про купца из Пальмиры, который торговал верблюжьей мочой и разбогател. Вафик молчал, вглядываясь вперёд, туда, где дорога уходила за холм. Караван шёл на запад. В Эфес. В Рим. В неизвестность. К вечеру караван свернул с дороги в небольшой лог, где за остатками старой каменной стены можно было укрыться от ветра. Вафик объехал место по кругу, посмотрел на небо, на землю, сплюнул — значит, можно. Он слез с Бубы, первым делом проверил рану у верблюда, потом взялся за вьюки. Алкион слез с осла, повёл плечами, хрустнул шеей.— Ну, продажный, — сказал он Марко, — выползай. А то усохнешь в этой телеге. Марко выбрался, размял ноги. Алкион собрал сушняк, развёл костёр. Пока угли разгорались, грек крутился у огня, грел руки.— Вафик, — сказал он. — Хватит молчать как рыба об лёд. Расскажи про Рим.

Ты же там был. Вафик возился с Бубой, не оборачивался. Потом подошёл, сел на корточки напротив Алкиона. Помолчал. Сплюнул.— Был, — сказал он. — Один раз. И больше не хочу.— О, началось! — Алкион потер руки. — Давай, выкладывай. Как там? Бабы, вино, золото? Рассказывай, не томи, а то я сейчас от любопытства лопну. Вафик посмотрел на огонь. Крякнул.— Пригнал я в Рим шесть верблюдов. Красивых. Из самой Петры. Шесть месяцев вёс, чтоб их. Двое по дороге сдохли. Четверо дошли. Красивые, как девки на выданье. Шерсть блестит, горбы стоят, ноги ровные. Люди на базаре рты разевали, пальцами тыкали, дети визжали от восторга.— И? — Алкион подался вперёд, чуть в костёр не упал, Марко его за шиворот оттащил.— И пришёл какой-то начальник. Толстый, морда красная, как варёный рак, в тоге с пурпурной полосой. Посмотрел на верблюдов, присвистнул. Говорит: «Хороши, собаки. А где остальные два?» Я говорю: «Сдохли в дороге». Он на меня так посмотрел, будто я лично их зарезал и сожрал на ужин, да ещё и косточки не выплюнул. Говорит: «За них император заплатил. Ты, верблюжий выкормыш, отвечать будешь».— Это как? — не понял Марко.— А вот так, — Вафик сплюнул в огонь. — Схватили меня двое легионеров. Здоровенные, как быки. Морды кирпичом, кулаки как моя голова, и усами шевелят, будто коровы жвачные. Поволокли во двор. Я ору: «За что, суки?!» Молчат, волокут. Только один хрюкнул что-то, но я не разобрал — то ли «молчи», то ли «терпи». Алкион уже не сидел

на месте. Он подпрыгивал, как уж на сковородке, и глаза у него горели, как два уголька.— Доволокли до столба. Столб вкопанный, высокий, жирный. Рядом скамейка стояла. Я думаю — может, отдохнуть дадут. Хуй там! Вафик повысил голос, даже Марко подался вперёд.— Привязали меня к этому столбу. Верёвками. Так крепко, что я дернуться не мог. Легионер один, рыжий, с ухом рваным (видать, в драке оторвали, не иначе), говорит: «Будешь знать, как верблюдов не довозить, грязный бедуин». А я ему: «Верблюды сдохли от чумы, я тут при чём, мудозвон?» А он мне — в ухо. Раз. Я аж присел.— В ухо?! — заорал Алкион. — За верблюдов?— За верблюдов, — кивнул Вафик. — За то самое, за что и положено.— А дальше? Глаза у Алкиона были размером с плоскую.— А дальше, — Вафик усмехнулся, — сняли с меня штаны. Алкион замер с открытым ртом. Марко тоже вытаращился.— Сняли, — повторил Вафик. — Природно. На всём базаре. Римляне вокруг собрались, глазают. Им, видите ли, представление подавай. Бабы носы воротили, но не уходили, стояли смотрели. Дети пальцами показывали и хихикали. Один старик в тоге даже лепешку достал и принялся жевать, будто в театре. Я стою голой жопой к столбу, весь в верёвках, и думаю: «Вот оно, величие Рима, мать его». — И чё они сделали? — голос у Алкиона сел от предвкушения, он аж закашлялся.— Командир, рыжий мудозвон, достал флагеллум.— Чего?!— Флагеллум, — повторил Вафик, чеканя слово. — Это такая штука. Короткая рукоятка, от неё три ремня. Тол-

стых, кожаных. И на конце каждого ремня — кусочки кости. Острые, чтоб мясо рвать. Я такие в армии видел, где римляне своих же наказывали. Только никогда не думал, что на мне их опробуют. Алкион присвистнул и зачем-то почесал собственную задницу. — Командир подходит ко мне, ремнями потряхивает, костяшки стучат друг о дружку, как погремушка у египетской плясуньи. Говорит: «За каждый недостающий верблюд — десять ударов. Два верблюда — двадцать ударов. Справедливо?» И усмехается, сука. — И ты что? — спросил Марко. — А что я мог? Висел на верёвках, как колбаса в коптильне, жопой к небу. Говорю: «Справедливо, бля. Только бей быстрее, у меня верблюды не кормлены». Он и начал. Вафик сделал паузу. Подбросил сучьев в костёр. Пламя взметнулось, осветило его лицо — спокойное, будто он не про себя рассказывал, а про чужого дядю. — Первый удар, — говорит, — я чуть не сдох. Кости эти врезаются в задницу, аж искры из глаз. Кожа горит, будто её раскалённым железом прижгли. Я так заорал, что у меня верблюды в стойле на дыбы встали. Второй — я заорал ещё громче, и ослы на соседней улице заорали следом. Третий — я уже не орал. Просто дышал и считал, и молился всем, кого знал, чтобы быстрее кончилось. — А они считали? — выдохнул Алкион. — А как же! Рыжий считал вслух. «UNUS! DUO! TRES!» По-латыни, сука. Гордится, что учился в школе, пока другие в поле горбатились. Десятый удар он уже не кричал, а орал, как глашатай на форуме. А вокруг толпа каждый удар охом провожа-

ла, будто на гладиаторских боях.— Десятый удар, — продолжал Вафик, — мне показалось, что жопа у меня отвалилась и ускакала в сторону Греции. Пятнадцатый — я понял, что жопы больше нет. Вообще. Осталась только боль и пустота. Двадцатый — я уже ничего не чувствовал. Потому что жопа умерла, переродилась в новую, но уже не мою, и улетела в Элизиум, где блаженные задницы гуляют по облакам. Алкион ржал уже в голос, не сдерживаясь, схватившись за живот, икая и всхлипывая. Слёзы текли по его грязным щекам, размазывая грязь. Он упал на землю и катался, как поросёнок в луже.— И что потом? — простонал он, вытирая лицо рукавом, когда немного успокоился.— Потом меня отвязали. Штаны подали. Они в крови были и в клочьях. Я их надел — с дыркой на самом интересном месте. Пошёл к верблюдам. Сел на Бубу — и уехал. Даже денег не взял.— Почему? — спросил Марко, хотя уже догадывался.— Потому что не мог сидеть, — сказал Вафик. — Двадцать ударов костями по голой жопе — это не шутка, парень. Я три месяца стоя спал. Прислонившись к стене. На осла не мог сесть — только лежа, на животе, свесив ноги в одну сторону. Ел стоя. Срал стоя, держась за стенку. Мылся стоя. Всё стоя. Женщины на меня смотрели с подозрением, думали — я святой. А я просто не мог присесть.— А верблюды? — спросил Алкион, вытирая последние слёзы.— Верблюды ушли с другим погонщиком. Тоже бедуином. Я ему сказал: «Забирай, бля. С меня хватит. Я теперь пешком буду, но стоя». И ушёл пешком в Петру.

Четыре месяца. На животе спал, завернувшись в плащ, как червяк в коконе. Жопа заживала медленно. Теперь там шрамы, как карта неизведанных земель. Хочешь, покажу? Рим на левой ягодице, Пальмира на правой.— Не надо, — быстро сказал Алкион, махнув руками. — Я верю, верю!— Вот тебе и Рим, — сказал Вафик. — Вот тебе и величие. А бабы... — он махнул рукой. — Какие бабы, когда жопа болит? Я даже на танцующих смотреть не мог — они меня пугали. Казалось, что каждая их виляющая задница сейчас ударит меня снова. Алкион снова захохотал, но уже тише, устало.— Вафик! — выдавил он наконец. — Ты... ты святой человек! Ты герой, бля! Ты прошёл через такое и теперь сидишь тут с нами, как ни в чём не бывало.— Я дурак, — сказал Вафик. — Дурак, что согласился везти тех верблюдов. Но больше я туда не хотел. А сейчас... сейчас всё равно. Жопа старая, зажившая, шрамы уже не болят. Пусть быют. Может, на этот раз начнут с левой — будет симметрично. Он встал, подошёл к Бубе, погладил верблюда.— Хоть этот не подведёт. Сдохнет — на том же месте, где ехал. Честная смерть, верблюжья.— А если сдохнет? — спросил Алкион, уже зная, что ответит Вафик.— Похороню, справлю поминки. И назову следующего Алкионом. Чтоб память осталась.— Это почему?!— А ты на кого больше похож? На верблюда, бля. Такой же вонючий, языкастый и жрёшь как лошадь, а работаешь как осёл. Но с характером — как Буба. Упрямый, вредный, но свой. Алкион хотел обидеться, но улыбнулся.— Ладно, хоть не на осла.—

Осла жалко, — сказал Вафик. — Вафик! — обиделся грек. — Спи, Алкион. Завтра перевал. — Валим из Рима, — сказал Алкион. — Мне своих двадцать ударов не надо. У меня жопа нежная, царская, греческая. Она не переживёт такого пиздеца. Её в мраморе лепить надо, а не флагеллумом портить. — Нежная у тебя язык, — сказал Вафик. — А жопа как у верблюда. Выдержит. Но если боишься — прячься за меня. — А ты прикроешь? — Прикрою. Мне уже всё равно. У меня уже всё прикрыто было. Шрамы — лучшая броня. Вафик накрылся бурнусом и отвернулся. Алкион ещё долго фыркал у костра, вспоминая историю, что-то бормоча про «безумных бедуинов» и «проклятых римлян». Марко сидел, смотрел на огонь. — Продажный, — сказал Алкион. — Ты понял, куда мы едем? — Понял, — ответил Марко. — В Рим, где бьют костями по голой жопе за каждую ошибку. И даже если ты не ошибся — всё равно найдут за что. — И мы туда сами, добровольно. Пиздец, бя, мы с тобой психи, продажный. — Пиздец, — согласился Марко. Звёзды висели над головой, холодные и равнодушные. — Ладно, — Алкион зевнул, потянулся. — Завтра перевал. А послезавтра Эфес. А там корабли. А на кораблях качка. Но это хуже, чем двадцать ударов. — Почему? — Потому что от качки блевать надо. А блевать с больной жопой — это, брат, высший пилотаж. Никто не умеет. Но я, Алкион, попробую. Он лёг, свернулся калачиком. — Спокойной ночи, продажный. Не дай тебя привязать к столбу. Спи на животе, на всякий случай. Марко

подбросил сучьев.— Постараюсь, — сказал он. Костер трещал, рассыпая искры в темноту. Где-то вздохнул Буба. Где-то всхрапнул осёл. Ночь. Дорога. Рим где-то далеко, впереди. Жопа — тоже впереди. Будем надеяться, что не на ремнях. Марко разбудил шум. Сначала он не понял, где находится. Телега не скрипела — стояла. Сверху всё та же рваная парусина, под боком тюки с шёлком. Но воздух изменился. Вместо пыли и верблюжьего дерьма — влажность, соль, гнилые водоросли, рыба, пот, тысячи тел. И гул. Такой гул, будто кто-то разворошил муравейник и теперь все его жители бегают с ножами и орут друг на друга матом.— Проснулся, продажный? — раздался голос Алкиона. Марко высунул голову из-под парусины и чуть не охренел. Солнце стояло высоко, белое, жаркое — как конская пизда после галопа. Перед ним, в какой-то сотне шагов, поднимались каменные стены. В стенах — ворота, распахнутые настежь, как портки у пьяного легионера после драки. Через ворота текла река людей, телег, животных, дерьма и воплей. А над стенами — крыши, храмы, колоннады, статуи. И всё это, до самого неба, залито белым каменным блеском.— Эфес, — сказал Алкион с гордостью, будто сам его построил из говна и палок. — Столица Азии, мать твою. Второй Рим, если первый проебали по дороге.— Это... — Марко проглотил ком в горле, — это город?— Не город, блядь, — Алкион сплюнул с осла, попал в телегу, даже не глядя. — Это муравейник, где деньги рекой. Ты никогда не был в таком месте, продажный.— Откуда ты

знаешь?— У тебя глаза по пятаку. И лицо как у девственника, которого первый раз ведут в бордель. И прикинь — вокруг ещё хуже. Дерьма больше, крыс больше, воров больше. И все тебя наебут при первой возможности. Вафик сидел на Бубе перед телегой, оглянулся. Сплюнул.— Толкучка, — сказал он.— Это не толкучка, — поправил Алкион. — Это базар мира. Там торгуют всем, от рабов до снов. Хочешь девственницу из Британии? Пожалуйста. Хочешь попугая, который матерится на латыни? Возьми двух, третий в подарок. Хочешь, чтобы тебе нагадали будущее, обоссали на счастье и продали амулет от геморроя? Всё в одном месте, блядь. Главное — кошелек держи в штанах, а не в руках. Потому что отрежут хер вместе с кошельком и не заметишь. Марко смотрел на ворота. Сквозь них, прямо из города, вывалил мужик на телеге, груженной чем-то зеленым и вонючим. Мужик орал: «Дорогу, сукины дети! Посторонись, я сказал, мудила ебучий!» — и хлестал осла, который и так бежал как ошпаренный. Осел свернул вправо, телега влево, одно колесо отлетело и покатило в толпу. Толпа взвыла. Кто-то заорал: «Твою мать, Аристид! Ты мою ногу переехал, гнида!» Аристид, не останавливаясь, крикнул в ответ: «Не подставляйся, Сократ, пиздюк позорный!» Колесо врезалось в лоток с фруктами. Продавец, жирный мужик с лицом, похожим на сожженную лепешку, заорал: «Суки! Кто кинул?! Я вас всех, мрази, ножом порежу!» — и выхватил из-за пазухи здоровенный тесак.— О, — сказал Алкион. — Типичный втор-

ник. — Сейчас кого-нибудь убьют, — пробормотал Марко. — Это в лучшем случае, — ухмыльнулся грек. — В худшем — тебя самого. И сначала изнасилуют. Потому что у тебя рожа свежая. Им нравится. — Ты шутишь? — Я никогда не шучу про насилие, продажный. Только про смерть. Смерть — это смешно. А насилие — это бабки. За изнасилование платят отдельно. Вафик слез с Бубы, подошёл к телеге, взял за узду. — Идём, — сказал он. — Тише. Не дышать. — Это как? — Как умеешь. Молись, чтобы тебя не заметили. Они двинулись в ворота. Толпа сомкнулась вокруг них, как море вокруг дохлой рыбы, и сразу стало понятно — их здесь не ждали, но и не прогоняли. Просто влились, как говно в прорванную канализацию. Первое, что ударило Марко — запах. Не воздух, а суп. Густой, горячий суп из пота, дерьма, жареного мяса, ладана, рыбы, кожи, цветов и ещё чего-то кислого, от чего глаза слезились и хотелось блевать. Впереди кто-то вывалил ведро с чем-то жидким прямо под ноги. Марко отскочил. Алкион засмеялся. — Не ссы, продажный. Это просто помой. Могло быть и хуже. В прошлый раз на меня вылили парашу с верхнего этажа. Я тогда три дня отмывался уксусом. — Чем воняет? — спросил Марко, зажимая нос. — Всем, — ответил Алкион. — И даже больше. Тут один мужик торгует сушеными пенисами быков. Говорит, для потенции. Воняют, сука, так, что дохлые крысы за углом дохнут повторно. Второе — звук. Десятки, сотни голосов орали одновременно на греческом, латыни, арамейском, ещё на каком-то языке, где все

слова были похожи на кашель умирающего тюленя. Кто-то продавал мясо, кто-то покупал раба, кто-то спорил, кто-то ругался, кто-то просто орал в небо, потому что устал от этой жизни. Рядом, прямо на земле, два мужика вцепились друг другу в волосы. Один орал: «Ты украл мой кошель, падла!» Второй отвечал: «Сам ты падла, это мой кошель, я его у тебя украл вчера!» — Пиздец, — сказал Марко. — Это нормально, — отозвался Алкион. — Здесь если никто никого не убил за час — день прошёл зря. Третье — люди. Их было много. Слишком много. Толстые и тонкие, богатые в белых тогах и нищие в тряпье, солдаты в блестящих доспехах и рабы с клеймами на лбах. Женщины в прозрачных платьях смотрели на Марко так, будто оценивали, сколько за него дадут на ночь — три монеты или четыре, если он не будет брыкаться. Мужики с ножами на поясах смотрели на него так, будто прикидывали, сколько у него денег и где лучше перерезать горло — здесь или за углом. — Опusti голову, — сказал Алкион. — Не смотри никому в глаза. Здесь взгляд — это вызов. А вызов — это нож в печень. — А если я случайно посмотрю? — Тогда беги. И не останавливайся. Если тебя догонят — ты труп. Если не догонят — они найдут другого. Здесь на трупах не экономят. Прямо перед ними какой-то мужик в грязной тунике схватил женщину за руку. Та заорала: «Отпусти, мразь!» Он не отпустил. Тогда она врезала ему коленом между ног так, что мужик сложился пополам и завыл, как раненый шакал. Вафик остановился у двери. Дверь

была деревянная, обитая железом, с кольцом вместо ручки. Он постучал три раза, два раза, ещё раз. Дверь приоткрылась, высунулась рожа — старая, морщинистая, с одним глазом. Второй глаз был затянут бельмом. — Чего надо? — спросила рожа. — Ночлег, — сказал Вафик. — На троих. И верблюдов. — Верблюдов? — рожа поморщилась. — За верблюда отдельно. Если насыт — убирать вам. Сам будешь мыть, пока шкура с рук не слезет. — Я заплачу. — Деньги вперёд. Вафик сунул руку за пазуху, достал монету, показал. — Заходите, — сказал одноглазый. — Только без драк. Мне трупы не нужны. — Драться не будем, — заверил Алкион. — Убивать тоже не будем? — переспросил хозяин. — Только если самих убьют. — Хитрый грек, — сказал хозяин. Он открыл дверь шире. Буба фыркнул и уставился на него. Тот сделал шаг назад. — Он не насыт, — сказал Вафик. — Он умный. — Все вы так говорите, — буркнул хозяин и скрылся в темноте. — Внутри не курить, не шуметь, не срать в углах. Для дерьма — отхожее место во дворе. — Поняли, — сказал Алкион и толкнул Марко внутрь. В комнате было душно. Маленькое оконце под потолком выходило во двор, и оттуда тянуло нагретой за день пылью, верблюжьей шерстью и конским навозом. Масляная лампа на стене коптила, давая больше дыма, чем света. Тени прыгали по дощатым стенам, на которых кто-то когда-то нацарапал имя — греческими буквами, коряво, будто ребенок. Вафик развязал свой тюк и разложил товар на единственной лавке. Алкион тут же подсел рядом,

заглядывая через плечо.— Осторожно, — сказал Вафик, не глядя. — Руки убери.— Я только посмотреть, — Алкион су-нул руки за спину, но наклонился еще ближе. — Ничего себе. Это что, настоящий шелк?Вафик развернул край ткани. В свете лампы материя отливала тусклым золотом — не ярко, а тяжело, как старая монета.— Серский шелк, — сказал Вафик. — Из самой Серики. Через всю Индию везли, через горы, через пустыни. Если бы ты знал, сколько верблюдов подошло на этой дороге.Алкион протянул руку, но не дотро-нулся — только провел пальцами в воздухе над тканью.— А это? — он кивнул на кожаный мешочек, который Вафик достал следом.— Перец, — Вафик развязал завязки, высы-пал на ладонь несколько маленьких черных зерен. Они бы-ли сморщенными, сухими, как старые изюминки. — Черный перец. С Малабарского берега. Там его собирают, сушат на солнце, потом грузят на корабли и везут через океан в пор-ты Индии, а оттуда караванами — сюда.— Дорогой? — Ал-кион понюхал.— Очень. На вес золота. В Риме за такой пе-рец платят бешеные деньги. Одна горсть — и ты месяц не работаешь.— А ты месяц работаешь?— Я работаю всегда, — Вафик ссыпал перец обратно в мешочек, затянул шнурок. — Но если повезет — этот рейс меня обеспечит до конца жизни.— Ты так говоришь каждый раз, — усмехнулся Ал-кион.— Каждый раз — не значит неправда.Вафик убрал ме-шочек в тюк, поверх шелка положил какую-то тряпицу — грубую, дешевую — и только после этого завязал тюк сно-

ва.— Ты зачем так прячешь? — спросил Алкион. — Боишься, украдут?— В Эфесе? — Вафик оглядел комнату. Стены были тонкие, за досками кто-то шаркал, переставлял какие-то предметы, ругался вполголоса. — Здесь украдут всё. И тебя, и тюк, и сандалии твои вонючие. Я плачу хозяину, чтобы он сторожил. Но хозяин — пьяница. Он скорее украдет сам, чем уберезет.— Завтра отплываем, — сказал Вафик. — Вечером. Капитан — египтянин. Я его в первый раз вижу. Корабль старый, но ходит. Завтра надо всё загрузить. Мой шёлк, перец, ладан. У него в трюме амфоры с вином и маслом.Алкион поднял голову.— Вечером? А чего так поздно?— Ветра хорошие, — сказал Вафик. — Капитан сказал — ночью пойдём. К утру будем в открытом море.Алкион хотел спросить что-то ещё, но передумал.— Ладно, — сказал он. — Завтра так завтра.Вафик завязал тюк, отодвинул его к стене, поближе к себе. Выпрямился, потянулся, хрустнул спиной.— Спать, — сказал он. — Завтра рано вставать. А ты — не пей больше сегодня. А то хозяин сказал, что выгонит, если ещё раз застанет тебя под столом.— Это было один раз, — обиделся Алкион.— Два. Я считал.Вафик отвернулся к стене, натянул на голову край плаща.Алкион посидел ещё немного, посмотрел на лампу, на тюк с шёлком, на дверь, за которой шумел Эфес. Потом вздохнул, достал флягу, отхлебнул, спрятал.— Ладно, — сказал он. — Спать. Но завтра я с тобой в порт. Хочу посмотреть на твой шёлк. Настоящий. Не тот, что ты прячешь от моих грязных рук.— Не говори

«настоящий», — буркнул Вафик из-под плаща. — Продавец услышит — поднимет цену. Алкион усмехнулся, но спорить не стал. Комната затихла. Только лампа чадила и где-то во дворе всхрапывал Буба — верблюд, который, кажется, уже знал, что завтра опять дорога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.